

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Девушка была невероятно, душераздирающе прекрасна. У него аж под ложечкой засосало. Водопад светлых волос ниспадал на ее голые плечи. С минуту он украдкой рассматривал фотографию, потом закрыл журнал и вернул его на место, на верхнюю полку. Огляделся, чтобы проверить, не заметил ли кто-нибудь. Хозяин магазина категорически запрещал читать журналы и даже вывесил табличку: «НЕ ПОКУПАЕШЬ — НЕ ЧИТАЙ». Но хозяин был чем-то занят в дальнем конце зала.

Почему он всегда чувствовал себя таким виноватым, если заглядывал в «Плейбой» и другие подобные издания? Многие ребята покупали их, приносили в школу, прятали в тетрадных обложках, даже перепродавали. Иногда он замечал их в домах у приятелей, небрежно брошенные на столик вместе с газетами. Однажды он и сам купил такой, заплатил за него дрожащими руками — доллар с четвертью, все свои карманные деньги на тот момент. А потом не знал, куда девать этот чертов журнал. Тайком притащил его домой, спрятал у себя в нижнем ящике и жутко боялся разоблачения. Потом, когда Джерри надоело носить его под рубашкой в туалет, чтобы там поспешно перелистать, когда он устал от своего обмана и от страха, что мать найдет журнал, он вынес его из дома и выбросил сквозь решетку в водосток. Раздался унылый всплеск, и Джерри окончательно распрощался со своими зря потраченными деньгами. Его обуяла тоска. Полюбят ли его когда-нибудь? Джерри преследовало страшное опасение, что он умрет раньше, чем прикоснется к девичьей груди.

Выйдя на автобусную остановку, Джерри прислонился к столбику с телефоном. Все его тело ныло, измотанное футбольными испытаниями. Вот уже третий день его нещадно мяти и трепали. Но, слава богу, Джерри все еще удерживался в списке претендентов. От нечего делать он принялся следить за компанией

напротив, на городской площади. Он видел этих людей ежедневно. Они стали частью местного пейзажа, как пушка времен Гражданской войны, памятник жертвам Второй мировой, флагшток. Хиппи. Дети-цветы. Уличный народ. Бродяги. Маргиналы. У каждого было для них свое название. Они появлялись в городе весной и оставались до октября — бродили без дела, иногда задирали прохожих, но по большей части мирно дремали где-нибудь у стенки. Его завораживал их вид, он завидовал их старой одежде, их апатичности — казалось, что им абсолютно на все наплевать. Тринити была одной из последних школ, где еще не отменили форму — сорочку и галстук. Он увидел, как из-под обвисшей шляпки одной девицы выскользнула струйка дыма. Травка? Он не знал. Да мало ли вещей, о которых он ничего не знает?

Поглощенный своими мыслями, он не заметил, как один бродяга отделился от своих товарищей и пошел через улицу, ловко уворачиваясь от автомобилей.

— Эй, чувак!

Джерри с изумлением понял, что это обращаются к нему.

— Я?

Парень остановился на мостовой по другую сторону от зеленого «фольксвагена», навалившись грудью на крышу автомобиля.

— Ты, ты.

Ему было лет девятнадцать — длинные черные волосы подметают плечи, тонкие усы вялой черной змейкой улеглись вдоль верхней губы, свисая кончиками до подбородка.

— Чувак, ты на нас пялишься натурально каждый день. Стоишь и пялишься.

Они и вправду говорят «чувак», подумал Джерри. А ему казалось, что теперь так могут сказать разве что в шутку. Но этот парень явно не шутил.

— Ты что, чувак, в зоопарке? Мы тебе кто, а?

— Да нет, ты ошибся. Я не смотрю. — Но он смотрел, каждый день.

— Смотришь, чувак. Ты стоишь тут и смотришь на нас. Со своими учебничками, в своей рубашечке и в своем сине-белом галстучке.

Джерри беспокойно огляделся. Его окружали одни незнакомцы — никого из школы.

— Думаешь, мы недоразвитые, чувак?

— Я этого не говорил.
— У тебя это на лбу написано.
— Слушай, — сказал Джерри, — мне надо на автобус. — Что было глупо, конечно, потому что автобус еще и на горизонте не появился.

— А знаешь, кто недоразвитый, чувак? Ты. Ходишь в школу каждый день. Потом на автобусе домой. Делаешь уроки. — В голосе парня сквозило презрение. — Лопух лопухом. В четырнадцать-пятнадцать уже на сорок тянешь. Встал на рельсы. Супер!

Сипение и вонь выхлопных газов возвестили о прибытии автобуса. Джерри отвернулся от парня.

— Беги скорей на автобус, лопух, — крикнул тот вдогонку. — Смотри не упусти его! Ты много чего упустил в жизни, так хоть автобус не упусти!

Джерри пошел к автобусу, как лунатик. Он ненавидел стычки. Сердце у него колотилось. Он залез в салон и бросил в автомат жетончик. Автобус тронулся, и Джерри шатнуло на свободное место.

Он сел, глубоко вздохнул, закрыл глаза.

Беги скорей на автобус, лопух.

Он открыл глаза и прищурил их от бьющего в окно солнца.

Ты много чего упустил в жизни, так хоть автобус не упусти.

Чушь, конечно. Таких хлебом не корми, дай поиздеваться над кем-нибудь. А что им еще делать? Валяют дурака, жизнь зря тратят.

И все-таки...

А что — все-таки?

Он не знал. Он подумал о своей жизни — утром в школу, потом обратно домой. Его галстук был распушен, болтался поверх рубашки, но он все равно его сдернул. И перевел взгляд на рекламные наклейки над окнами, чтобы отвлечься от воспоминаний о неприятной встрече.

Зачем? — написал кто-то на пустом месте между двумя наклейками.

А затем, — накорябали рядом в ответ.

Джерри закрыл глаза. На него вдруг навалилась усталость, и даже думать уже было не под силу.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

— Сколько коробок?

— Двадцать тысяч.

Арчи изумленно присвистнул. Обычно он не позволял себе терять хладнокровие по пустякам, особенно в обществе людей вроде брата Леона. Но намерение привезти в Тринити двадцать тысяч коробок шоколадных конфет выглядело просто нелепым. Потом он увидел на верхней губе брата Леона прозрачные бисерные усы, заметил, как увлажнились его глаза и вспотел лоб. И что-то щелкнуло у него в мозгу. Это был не тот убийственно спокойный Леон, перед которым трепетал весь класс. Этого явно что-то мучило, что-то язвило. Пораженный своим внезапным прозрением, боясь выдать себя участвующим стуком сердца, Арчи замер в абсолютной неподвижности. Он наконец получил доказательство того, о чем догадывался уже давно, причем это имело отношение не только к брату Леону, но и к большинству учителей, большинству взрослых: они ранимы, у них есть свои страхи и свои слабые места.

— Я понимаю, что это немало, — признал брат Леон. В его голосе не было и следа беспокойства, и Арчи невольно почувствовал уважение. Сильная личность этот Леон — попробуй прижми такого к стенке. Пот градом льется, а голос ровный, никаких эмоций. — Но у нас за плечами крепкая традиция. Мы продаем шоколадные конфеты каждый год. Ребята ждут этого. Если в другие годы нам удавалось продать по десять тысяч коробок, то почему бы на этот раз не продать двадцать? И это ведь не обычные конфеты, Арчи. Они сулят большую прибыль. Это особый случай.

— Что значит «особый»? — спросил Арчи, развивая свое преимущество, стараясь изгнать из голоса всякий намек на подбострастие. Леон сам пригласил его в свой кабинет — так пусть

теперь говорит с настоящим Арчи, а не с простым мальчишкой, который сидит за партой на его уроках алгебры.

— Вообще-то это конфеты, которые остались от Дня матери¹. Нам удалось — то есть *мне* удалось — приобрести их со скидкой. Прекрасные подарочные коробки, все в отличном состоянии. С прошлой весны они хранились в идеальных условиях. Все, что нам нужно, — это снять красные ленточки с надписью «Дорогой маме», и дело пойдет. Мы можем продать их по два доллара за коробку и заработать почти по доллару на каждой.

— Но двадцать тысяч? — Арчи быстро произвел в уме несложные вычисления, хотя математик из него был не ахти какой. — У нас в школе примерно четыреста учеников. Это значит, что каждый должен будет продать пятьдесят коробок. Раньше нормой было по двадцать пять на каждого и продавали их по доллару за штуку. — Он вздохнул. — Теперь все удваивается. Это большой объем для школы, брат Леон. Для любой, не только для нашей.

— Знаю, Арчи. Но Тринити — особая школа, не правда ли? Если бы я не верил, что ребята из Тринити с этим справятся, разве я стал бы рисковать? Разве мы не способны на большее, чем другие школы?

Хватит вешать лапшу на уши, подумал Арчи.

— Я знаю, о чем ты себя спрашиваешь, Арчи: зачем я озадачиваю тебя всем этим?

Арчи и впрямь пока еще не понимал, ради чего брат Леон решил посвятить его в свои планы. Он никогда не был на дружеской ноге ни с Леоном, ни с кем-либо из остальных учителей. Вдобавок Леона нельзя было назвать обычным учителем. Бледный, заискивающего вида, он производил впечатление одного из тех людей, что крадутся по жизни на цыпочках, стараясь никого не потревожить. Он походил на затюканного мужа, на неудачника и тряпку. Он занимал должность заместителя директора, а по сути был у директора на побегушках. Сходи туда-то, принеси то-то. Но все это было обманчиво. В классе Леон превращался в совершенно другого человека. Он был полон издевки и сарказма. Его тонкий, высокий голос источал отраву. Он приковывал к себе внимание, как кобра. Вместо ядовитых зубов ему служила учительская указка, мелькающая то там, то сям — по-

^{1/} Второе воскресенье мая.

всюду. Он следил за классом, точно ястреб, выискивая нерадивых и замечтавшихся, нащупывая в учениках слабости, а потом играя на этих слабостях. Но Арчи он никогда не трогал. Во всяком случае, пока.

— Позволь обрисовать тебе ситуацию, — сказал Леон, подавшись в кресле вперед. — Все частные школы, не только католические, сейчас вынуждены вести борьбу за существование. Многие закрываются. Цены растут, а источники дохода у нас считанные. Как тебе известно, Арчи, мы не принадлежим к числу элитных школ-интернатов. Нет у нас и богатых спонсоров среди выпускников. Мы ведем дневное обучение и готовим к колледжу ребят из обычных семей со средним достатком. Богачи не отдают нам своих сынков. Взять хотя бы тебя — твой отец руководит страховым агентством. Жалованье у него неплохое, но богачом его не назовешь, верно? Или Томми Дежардена. Его отец — зубной врач, у них две машины, летний домик, но для родителей тех, кто учится в Тринити, это практически потолок. — Он поднял ладонь. — Я не стараюсь опустить родителей. — Арчи поморщился. Он не любил, когда учителя пользовались жаргоном, употребляя словечки вроде «опустить». — Я говорю лишь одно, Арчи: эти люди живут скромно и им не по силам платить больше за обучение своих детей. Мы должны искать деньги где только можем. Футбол почти не окупается: мы не выигрываем соревнований уже три года. Интерес к боксу упал, потому что его перестали показывать по телевизору...

Арчи подавил зевок: охота ему толочь воду в ступе?

— Я выкладываю карты на стол, Арчи, чтобы все тебе растолковать, чтобы ты проникся мыслью о необходимости использовать любые средства и понял, что даже продажа шоколадных конфет может оказаться для нас жизненно важной...

Наступило молчание. Вокруг них царила тишина — такая полная, что Арчи подумал, уж нет ли в кабинете Леона звукоизоляции. Конечно, уроки на сегодня кончились, но сейчас должно было происходить много чего еще. В частности, Стражам самое время действовать...

— И еще одно, — снова заговорил Леон. — Мы не хотели делать это достоянием гласности, но директор болен, и, скорее всего, серьезно. Завтра его кладут в больницу. Анализы и прочее. Перспективы не слишком обнадеживающие...

Арчи ждал, когда Леон наконец перейдет к сути. Неужто он собирается провозгласить идиотский лозунг: продавать конфеты в честь захворавшего директора? «Выиграй ради Джиппера», как в том сопливом фильме про футболиста, который умер молодым^{1/}?

— Возможно, он оставит свой пост не на одну неделю.

— Печально. — Ну и что?

— А это означает, что школа окажется под моим руководством. Я буду за нее в ответе.

Вновь молчание. Но на этот раз оно было заряжено предчувствием. Арчи почуял, что сейчас будет сказано самое главное.

— Мне нужна твоя помощь, Арчи.

— Моя помощь? — спросил Арчи, прикинувшись удивленным, стараясь, чтобы в его голосе не прозвучало ни малейшего намека на иронию. Теперь он понял, зачем он здесь. Леон ждал помощи не от Арчи — ему нужна была помощь Стражей. Но он боялся сказать об этом прямо. Никто не смел обмолвиться о Стражах даже шепотом. Официально их не существовало. Разве могло руководство терпеть в своей школе организацию вроде Стражей? Им позволяли действовать, лишь полностью их игнорируя, притворяясь, будто их нет на свете. Но они есть, и все это прекрасно знают, с горечью подумал Арчи. Их терпят, потому что они выполняют важную задачу — держат школу под контролем. Без Стражей Тринити пошла бы вразнос, как другие школы с этими модными нынче демонстрациями, протестами и прочей ерундой. Арчи поразила дерзости Леона: зная о его связи со Стражами, вызвать его сюда вот так!

— Но я-то чем могу помочь? — спросил Арчи, поддавливая еще, намеренно употребляя местоимение единственного, а не множественного числа, как бы отделяющее его самого от Стражей.

— Продажу надо поддержать. Ты ведь сам сказал, Арчи: двадцать тысяч коробок — это большой объем.

— Да еще по удвоенной цене, — напомнил ему Арчи, уже начиная забавляться. — По два доллара за коробку вместо одного.

— Но нам крайне необходимы эти деньги.

^{1/} В фильме «Кнут Рокни, настоящий американец» (1940) юный игрок в американский футбол (Рональд Рейган), умирая от пневмонии, говорит тренеру: «Однажды, когда команда будет в критическом состоянии... попросите парней... выиграть просто ради Джиппера».

— А как насчет поощрения? Ребята всегда получали от школы поощрение.

— Как обычно, Арчи. Когда все конфеты будут проданы, ребят освободят от занятий на один день.

— А бесплатная экскурсия? В прошлом году нас возили в Бостон на эстрадное шоу. — Арчи совершенно не хотелось в Бостон, но ему было приятно задавать вопросы и смотреть, как Леон выкручивается. На уроках все происходило наоборот.

— Я подумаю, чем ее заменить, — ответил Леон.

Арчи не торопился прерывать затянувшуюся паузу.

— Я могу на тебя рассчитывать, Арчи? — Лоб Леона снова покрылся потом.

Арчи решил рискнуть. Проверить, насколько далеко он может зайти.

— Но что я могу сделать? Я всего лишь простой ученик.

— У тебя есть влияние.

— Влияние? — Голос Арчи звучал громко и ясно. Он был спокоен. Контролировал беседу. Пусть Леон попотеет. А Арчи будет вежлив и невозмутим. — Я не староста класса. И не член школьного совета. — Эх, если бы хоть кто-нибудь из ребят его сейчас видел! — У меня даже отметки не такие уж хорошие...

Внезапно Леон перестал потеть. Бисеринки влаги еще дрожали на его лбу, но он стал неподвижен и холоден. Арчи чувствовал этот холод — больше чем холод, ледяную ненависть, бьющую в него через стол, как смертоносный луч с безжизненной, тлетворной планеты. Не слишком ли далеко я зашел, подумал он. Ведь это мой учитель алгебры, а с ней у меня хуже всего.

— Ты знаешь, о чем я говорю, — отрезал Леон, точно дверью хлопнул.

Их взгляды встретились, замерли. Раскрыть карты? Неужто пора? Будет ли это самым разумным? Арчи верил, что нужно всегда поступать наиболее разумно. Делать не то, что тебе хочется, не рубить сплеча, а совершать поступок, который в будущем окупится. Вот почему именно он раздает задания. Вот почему вся организация Стражей держится на нем. Черт возьми, Стражи — это ведь и есть школа. А он, Арчи Костелло, — это и есть Стражи. Именно поэтому Леон вызвал его сюда, именно поэтому он практически молит его о помощи. Неожиданно Арчи до безумия захотелось «херши».